

НАТАЛЬЯ КИРПИЛЯНСКАЯ

ПРОРОЧЕСТВО
БАГРОВОГО МАРЕВА

ПОМЕСТЬЕ

ДИКАЯ ЛАВАНДА

САГА
КНИГА 2

18+

Наталья Кирпилянская

Поместье "Дикая лаванда"

Пророчество багрового

марева Сага Книга 2

«Автор»

2026

Кирпилянская Н.

Поместье "Дикая лаванда" Пророчество багрового марева Сага
Книга 2 / Н. Кирпилянская — «Автор», 2026

Продолжение эпической саги о последнем берсерке из рода "Великой Анны". В центре повествования – суровая и таинственная Норвегия, где реальность переплетается с легендами, а древние пророчества обретают плоть. Главные герои оказываются втянутыми в водоворот событий, где каждое решение может стать роковым, а каждый выбор – изменить судьбу целого мира. Михаил – берсерк, по рождению – Бьорн, способный превращаться в медведя, и его невеста Софа оказываются в центре опасной игры, где на кону стоит не только их счастье, но и мир между древними кланами. Тревожное видение Софы о кровавой свадьбе запускает цепь событий, которые вынуждают Михаила и Пьера (охотника – медвежатника) отправиться в опасное путешествие. В Харстаде, окружённом фьордами, им предстоит провести древний ритуал, который восстановит хрупкий мир между берсерками и охотниками. Смогут ли любовь преодолеть вековую вражду? Удастся ли героям предотвратить новую войну? И какую цену придётся заплатить за мир?

© Кирпилянская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталья Кирпилянская

Помесье "Дикая лаванда" Пророчество багрового марева Сага Книга 2

Дисклеймер

«Романтическая история, усиленная мистикой и легендами. Любые совпадения с реальными людьми, как живыми, так и умершими, случайны. Скандинавские (норвежские) мифы и легенды представлены в произведении как основа для художественного переосмысления. Авторская интерпретация не претендует на историческую или фольклорную достоверность. Все магические элементы и сюжетные повороты являются плодом творческого воображения автора».

Глава 1

В Харстаде, где северное сияние переливается в ночи и цвета плавно переходят один в другой, где морской ветер рассказывает саги о викингах – природа и легенда сплетаются воедино. Окрестности города, будто страницы старинной книги, полны таинственных знаков и живописных зарисовок.

Фьорды, глубокие и молчаливые, врезаются в сушу подобно трещинам времени. Их зеркальные воды, отражая суровые скалы и облачное небо, хранят секреты древних богов и затонувших кораблей. Легенда гласит, что в глубинах фьорда спит кракен, чудовищный морской змей, охраняющий несметные сокровища. Когда-то давно, отважный викинг Осмунд, прозванный Морским Волком, попытался похитить сокровище кракена, но был поглощен пучиной, и с тех пор его призрак блуждает по фьорду, ища искупления.

Горы, как каменные великаны, окружают Харстад, охраняя его от северных ветров и непрошенных гостей. Их склоны, поросшие густыми лесами, где солнечные лучи едва пробиваются сквозь кроны деревьев, полны мистических существ и древних духов. Здесь, по преданию, обитают хульдры, лесные девы, прекрасные и опасные, способные заманить путника в чащу и лишит его рассудка. Говорят, что в полнолуние хульдры танцуют на полянах, и тот, кто увидит их танец, обретет либо удачу, либо проклятие.

Город Харстад, уютно расположившийся между фьордами и горами, дышит историей и современностью. Его узкие улочки, вымощенные булыжником, хранят отпечатки шагов рыбаков и торговцев, викингов и королей. Фасады домов, выкрашенные в яркие цвета, как радуга, раскинувшаяся над городом, создают атмосферу тепла и гостеприимства. Недалеко от центра города стоит старинная церковь, ее шпиль, устремленный в небо, возносится к небесам. Легенда гласит, что церковь была построена на месте древнего капища, посвященного богу Тору, и под ее фундаментом до сих пор покоятся артефакты, свидетельствующие о языческом прошлом Харстада.

Природа его, суровая и прекрасная. Здесь каждый камень, каждое дерево, каждый луч солнца пронизан историей и легендой.

Мифы и легенды, передаваемые из поколения в поколение, являются неотъемлемой частью Харстада. Они живут в сердцах людей, в их песнях и танцах. Эти легенды – не просто вымысел, они – отражение истории и веры, страхов и надежд народа, живущего в этом суровом и прекрасном краю. Это место, где можно почувствовать себя частью чего-то большего, где можно обрести гармонию с собой и с окружающим миром...

Михаил стоял на палубе корабля, вдыхая соленый воздух Норвегии. Харстад встретил его хмурым небом и порывистым ветром. Но он не мог не приехать. Не мог отложить эту поездку, несмотря на приближающуюся свадьбу с Софой.

Софе привиделся кошмар: двойная свадьба, словно сквозь багровое марево – Пьер с Василисой и Михаил с ней самой – Софой. Алтарем стало поле брани, где когда-то в смертельной схватке сошлись берсерки и охотники-медвежатники. Пьер с окровавленным мечом в руке смотрел на раненую Василису, а Михаил, обернувшийся медведем, дышал яростью в сторону окровавленной Софии.

Этот зловещий сон она рассказала Михаилу. Он понял – это не просто видение, это зловещее предзнаменование, пророчество. После той кровавой битвы между берсерками и охотниками было заключено Соглашение, скрепленное кровью, гарант мира между кланами. Но Валентин со своей женой, Натали, нарушил клятву, убив в лесу медведя – отца Михаила. В слепой ярости Михаил отомстил, оборвав жизнь Натали. Соглашение было разорвано. На совете между двумя родами – Михаилом и Пьером с Ирэн было решено: Михаил и Пьер отправятся в Норвегию, в Харстад, где земля помнит ту ужасную битву, где кровь берсерков и охотников

- медвежатников обагрила каждый камень. Там, на месте скорби, они должны свершить новый обряд, скрепить Соглашение кровью двух родов, дабы умиловить гнев предков и отвратить роковое пророчество, увиденное Софой в кошмарном сне.

Михаил смотрел на суровые фьорды, врезающиеся в гранитные скалы. Харстад, будто выросший из камня и воды, дышал историей и древней силой. Здесь прошлое сплеталось с настоящим. Вокруг простиралась дикая красота: темно-зеленые сосны, бурные водопады, срывающиеся вниз с головокружительной высоты, и суровое молчание, нарушаемое лишь криками чаек и плеском волн. Здесь он родился, здесь он первый раз обернулся медведем, здесь он был по-настоящему свободным. Он закрыл глаза, и волна воспоминаний захлестнула его:

Его поступь, гулкая и уверенная, вторила хрусту первого снега под его медвежьими лапами, спускающимися с гор навстречу зиме. В его дыхании – свежесть ледникового ветра, в его взгляде – глубина фьордов, отражающих бездонное северное небо. Он – берсерк, истинное имя его – Бьорн – дитя Норвегии, возвращенный ее суровой красотой, ее древними лесами, ее непреступными скалами, окутанными древними легендами.

Прикосновение руки на плече вырвало его из плена воспоминаний. Михаил открыл глаза и повернул голову.

– Ну, что, вот ты и дома, – сказал Пьер, глядя вдаль, на зазубренные вершины гор.

– Да... Я думал, что больше никогда не вернусь в эти места, – пробормотал Михаил, нахмурившись и погружаясь в свои мысли.

– Не переживай, Миш. С Софой все будет хорошо, кольцо защитит ее. Василиса рядом с ней. Ирэн не даст им скучать. Полный дом охраны. Валентин залег на дно и долго еще не покажет носа. Мы сделаем дело и вернемся обратно. Сыграем две свадьбы в один день! – Пьер ободряюще улыбнулся и похлопал друга по плечу.

– Дело не в свадьбе, Пьер. Софе снятся вещие сны, и это началось с тех пор, как мы познакомились. Это не случайно. Она рассказывала, что видела, как я падаю в огненную пропасть. Той ночью, когда эта тварь чуть не убила Софу, я желал растерзать его, убить. Зверь полностью завладел мной, я хотел быть только им и не возвращаться в мир людей. И мне... понравилось это чувство. Понимаешь? Сон был предзнаменование, – Михаил пристально посмотрел на Пьера.

– Но ты же смог остановиться.

– Только благодаря Софии. Когда я посмотрел в ее глаза... Она увидела меня настоящего и не испугалась... В ее глазах отражалась моя боль, мой страх... Она словно все поняла... И я почувствовал ее любовь ко мне... к человеку и берсерку... Я всегда знал, что никого не смогу полюбить и смирился с этим, но когда я встретил ее... Я понял, что наша встреча была предначертана богами. Понимаешь?

– Понимаю, друг, – Пьер задумчиво смотрел на водную гладь.

– Ты Василисе рассказал историю своего происхождения? – Михаил вопросительно посмотрел на друга.

– Не начинай. Как только мы переехали в Париж, я пытаюсь найти удобный момент... Но даже не знаю, как ей рассказать... Я не представляю ее реакции, когда она узнает об охотниках, да еще и о том, что на свете правда существуют берсерки, способные обращаться в медведей и один из них мой друг. Она же считает это все сказками. Она в ужасе убежит от меня. Я не хочу ее потерять...

– Она все равно узнает рано или поздно. В наших семьях тяжело будет скрыть этот факт. Если узнает от других, будет только хуже. Она тебя любит, и я думаю, что поймет.

Пьер тяжело вздохнул и посмотрел вперед:

– Мы уже подходим к городу.

Корабль медленно входил в гавань Харстада. Чайки, кружившие над пристанью, приветствовали их прибытие своими криками. Михаил ощущал нарастающее напряжение. Место это,

как магнитом тянуло к себе всю его внутреннюю тьму. Он боялся, что поддастся зову крови, зову своего медвежьего естества. Софа, ее любовь стала якорем, удерживающим его в человеческом мире, но достаточно ли этого, когда вокруг дышит древняя сила этой земли?

Пьер, почувствовав его состояние, положил руку ему на плечо.

– Вместе справимся, Миш. Мы же друзья?

Михаил кивнул, но сомнения не покидали его. Он должен защитить их всех, защитить Софу, защитить их будущее.

На берегу друзей встречал Сверре, старый друг Михаила, берсерк из рода «Диких медведей» такой же могучий, с седой бородой, заплетенной в косы. Он крепко обнял Михаила, приветствуя его возвращение на родную землю.

– Добро пожаловать домой, сын Севера. Земля ждала твоего возвращения. Сколько мы с тобой не виделись? – произнес он своим хриплым голосом, и посмотрев недоверчиво на Пьера, протянул жилистую руку с крупными узловатыми пальцами. В его прикосновении чувствовалась могучая сила, и Пьер ответил на него, ощутив тепло, проникающее до самых костей.

– Рад тебя видеть, Сверре. Целая вечность прошла, – Михаил улыбнулся.

– Точно, целая вечность. А ты возмужал, вылитый отец, – мужчина крепко похлопал его по плечу. – Как старина Силав? Как ему французские леса?

Тень пролегла на лице Михаила: – Отца больше нет.

– Да разразит меня гром! Как же так? – хриплый голос Сверре прозвучал с неприкрытой болью.

– Нам нужно укромное место, чтобы спокойно поговорить, – тихо ответил Михаил.

Вскоре они оказались в доме Сверре, приютившемся на берегу фьорда, вдали от любопытных глаз.

Вечером, у потрескивающего камина, Михаил и Пьер рассказали ему о случившемся и о цели их прибытия в Норвегию.

– Значит, теперь тебя зовут Михаил, Бьорн, – берсерк пристально посмотрел в глаза другу, затем обернулся к Пьеру, стоявшему в тени камина. – Твое счастье, охотник, что ты друг Бьорна! Иначе я бы от тебя мокрого места не оставил! Я всегда был против дружбы берсерков и охотников. В нас испокон веков клокочет жажда крови и битвы. Знал я, что ни к чему хорошему это не приведет. Потому и стал отшельником. Держись подальше от людей, и это меня вполне устраивает.

– Сверре, не горячись, – Михаил поднялся, наполнил стакан джином и протянул его старому другу.

– Мы долго жили в мире, бок о бок. Случилась ужасная трагедия. И поверь, я бы сам с удовольствием придушил своего братца, но он, как тень, постоянно ускользает от нас, – спокойно парировал Пьер, не обратив внимания на ярость в голосе Сверре.

Мужчина залпом осушил стакан и усмехнулся: – Неужели охотники разучились выследживать добычу? Что, потеряли хватку?

– Сверре, – предостерегающе сказал Михаил, глядя ему прямо в глаза.

– Что, Сверре? Я должен молча выслушивать этого мальчишку-охотника? Или ты забыл, сколько они наших жизней забрали? Сколько горя принесли? Они вырезали и сожгли всю мою семью! – взревел Сверре, вскакивая на ноги. В его глазах вспыхнул недобрый огонь, и он двинулся на Пьера.

Михаил преградил ему путь.

– Хватит! Я уважаю тебя, в тебе течет кровь сильнейших из твоего рода. Мы тоже немало разорвали охотников. Я искренне соболезную твоему горю, но мир должен воцариться, ради настоящего, ради будущего. Ради Софии, ради Василисы, ради наших близких, которые ни в чем не виноваты. И я добьюсь этого любой ценой. С тобой или без тебя. Но предупреждаю: не смей вставать у меня на пути, – Михаил бросил на Сверре грозный взгляд.

Мужчина посмотрел на Михаила, потом на Пьера, отпил джина, и опустился в кресло.

– Убойная вещь, – пробормотал он, поглаживая бороду. – Не знаю, что бы я без этого варева делал. Наверное, одичал бы в конец и ушел в глушь. Ладно. – Сверре потрянул головой. – Помогу тебе. Так какой план? – спросил он.

Пьер придвинул кресло к хозяйскому и спокойно уселся, чувствуя на себе изучающий взгляд Сверре.

Михаил стоял у камина, будто темная скала, высился над ними.

– Завтра отправимся в лес, найдем поле битвы, совершим ритуал... Тем самым, скрепим Соглашение между берсерками и охотниками, – сказал он, скрестив руки на груди.

– Эх ты разогнался, – усмехнулся Сверре, разомлевший от джина. – Забыл, что для вступления Соглашения в силу, нужны свидетели? Как минимум по одному с каждой стороны. Где мы найдем еще одного охотника?

Пьер вопросительно взглянул на Михаила. Тот, задумавшись, отвернулся к камину и протянул руки к пляшущим языкам пламени.

Михаил молчал и смотрел на огонь, как бы выискивая ответ в пляшущем пламени. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине и тяжелым дыханием Сверре. Пьер чувствовал напряжение, витавшее в воздухе. Ему было ясно, что вопрос о свидетелях – не просто формальность, а серьезное препятствие на пути к их цели. Отыскать охотника в этих краях казалось почти невозможным. Из всех берсерков в Норвегии остался лишь один – Сверре, а охотники, последний раз были здесь только во время принятия Соглашения и более не появлялись на этой земле.

Неожиданно Пьер обернулся к Сверре: – У меня есть идея. Нужно срочно позвонить. Здесь есть связь?

Берсерк, уже изрядно захмелевший, с ленцой взглянул на Пьера и прохрипел: – Только в городе ловит.

– Значит, едем в город. Михаил, нужно срочно связаться с Ирэн.

Сверре, не говоря ни слова, достал ключи из кармана, небрежно бросил их на стол: – Машина в вашем распоряжении, – и укутавшись в плед, тут же провалился в объятия Морфея.

Ночь окутала фьорд непроглядной тьмой, лишь редкие звезды сверкали в вышине. Михаил и Пьер, взяв необходимые вещи, тихо вышли из дома, стараясь не разбудить Сверре. Пьер уверенно направился к старому, но ухоженному внедорожнику, стоявшему неподалеку. Он запрыгнул за руль, и двигатель с тихим рокотом ожил. Михаил занял место рядом, и машина, взревев, сорвалась с места, прочь от уединенного жилища, в сторону города.

Дорога была извилистой, ее то и дело пересекали темные силуэты деревьев. Пьер вел машину уверенно, несмотря на усталость, сквозившую в его лице. Михаил молча всматривался в темноту, его мысли были поглощены Софией. Он понимал, что на кону стоит слишком многое, и от их следующего шага будет зависеть не только их собственная жизнь, но и будущее всего их рода, будущее мира между берсерками и охотниками.

Въехав в город и увидев, что на экране телефона ожила сеть, он резко затормозил у обочины. Сердце колотилось, пока он набирал номер Ирэн. Гудки тянулись невыносимо долго, словно испытывая на прочность и без того истончающиеся нити надежды. Наконец, тишину разорвал сонный голос Ирэн: – Алло...

– Ирэн, это Пьер. Нам срочно нужна твоя помощь. Мы уже в Норвегии.

Мгновенно проснувшись, Ирэн внимательно слушала брата.

– Василиса и София рядом? – спросил Пьер.

– Нет, они уже спят. Говори, нас никто не услышит, – ответила сестра.

– Все оказалось сложнее, чем мы думали. Для восстановления Соглашения нужны свидетели. Сверре, старый друг Михаила, согласился помочь. Но я совсем не помню родственни-

ков в Норвегии. Пробей по своим контактам, пожалуйста, как можно скорее. Есть ли у нас здесь какая-нибудь родня?

– Хорошо. Поняла. К утру будет информация, – коротко ответила Ирэн и разъединила вызов.

Пьер обернулся к Михаилу:

– К утру будет информация.

Михаил кивнул.

Пьер снова завел машину и направился к ближайшему мотелю. Им нужно было найти место, где можно было бы передохнуть и дожидаться утреннего звонка.

Небольшой мотель приветствовал их тусклым светом вывески, одиноко горевшей на фоне ночи. Пьер съехал с дороги на гравийную площадку перед мотелем. Несколько припаркованных машин говорили о том, что место не совсем безлюдно, но тишина вокруг стояла почти зловещая.

Внутри, за стойкой регистрации, дремал полный мужчина в клетчатой рубашке. Звук дверного колокольчика, возвестивший о прибытии гостей, заставил его вздрогнуть и протереть заспанные глаза. Пьер и Михаил подошли к стойке.

– Два номера, пожалуйста, – произнес Михаил по-норвежски, стараясь говорить спокойно.

Мужчина кивнул, не задавая лишних вопросов, и протянул два ключа. Номера оказались скромными, но чистыми. Две узкие кровати, небольшой столик, телевизор с помехами и крошечная ванная комната. Однако, после долгой дороги это казалось почти роскошью. Пьер сразу же рухнул на кровать, не раздеваясь. Михаил подошел к окну. Темный фьорд, мерцающий далекими огнями города, казался бесконечным и загадочным.

Он отвернулся от окна и устало присел на край кровати. В памяти пульсировало лицо Софы, обрамленное тревогой, но освещенное нежностью. Эхом звучали ее слова, сказанные на прощание: – «Ты помни, я всегда рядом, в твоём сердце, Миша».

Ради ее взгляда, ради этих слов, он был готов на все. Мир между берсерками и охотниками – его клятва, его долг должен быть исполнен, чего бы это ни стоило. Он помнил леденящий ужас войны, страх, что затаился в глазах близких, когда семьи вынуждены были бежать, спасаясь от охотников. Он не допустит, чтобы Софа, чтобы их дети когда-нибудь прошли через этот кошмар.

– Ты всегда в моем сердце, – прошептал Михаил в пустоту комнаты. Поднявшись, он покинул номер. Спустился по скрипучей лестнице, шагнул в объятия ночи и направился к лесу.

Тьма обволакивала все вокруг, лишь изредка звезды пробивались сквозь густую пелену облаков. Михаил углубился в чащу, вдыхая терпкий, влажный воздух, настоящий на хвое и прелой земле. Сухие ветки и опавшие листья хрустели под ногами, каждый звук разносился гулким эхом в сонной тишине. Он шел наугад, доверяя лишь интуиции и звериному чутью.

Деревья теснились все плотнее, сплетая ветви в непроходимые дебри. Михаил замедлил шаг, осторожно пробираясь вперед. Он чувствовал, как лес завет его, что он наблюдает за ним из темноты множеством невидимых глаз, манит в свою глубь. Впереди послышалось нежное журчание воды.

Выйдя на небольшую поляну, он увидел ручей, серебряной змейкой извивающийся среди мшистых камней. Жадно вдохнул свежий воздух и покорился древнему зову. В одно мгновение кости захрустели, тело вздыбилось, и Михаил обратился в огромного бурого медведя. Густая шерсть заблестела в призрачном лунном свете. Раскатистый рык, пронесся над лесом, возвещая: «Бьорн вернулся на свою землю».

Он оперся на все четыре лапы, могучий, дикий и страшный. Подойдя к ручью, он увидел в кристально чистой воде свое отражение – грозного зверя, несущего в себе лишь ужас, страх и смерть. Созданного убивать и разрушать. В ярости взревев, медведь обрушил лапы на свое

отражение, пытаясь разбить его вдребезги. Затем поднял морду в сторону ручья, убегающего дальше, образуя небольшие водопады и уводя в самую глубь леса. Зверь издал гортанный рык и бросился вперед. Сначала медленно, осторожно, но вскоре дикая сила захлестнула его, и, почувствовав прилив необузданной энергии, он помчался во всю мощь, отдаваясь зову крови. Именно в этот момент Михаил чувствовал себя по-настоящему свободным.

Медведь несясь сквозь лес, сокрушая на своем пути кусты и деревья. Земля дрожала под его мощными лапами. Он учуял запах, еле уловимый, знакомый, но ускользающий. Запах добычи. Он знал, что должен найти ее и уничтожить. Это был его инстинкт. Сердце бешено колотилось, неся волны адреналина по всему телу. Каждый вздох наполнял грудь яростью и решимостью.

Внезапно медведь замер, будто наткнулся на невидимую стену, и настороженно повел носом. Запах, терпкий и острый, бил в ноздри, проникая сквозь густую завесу леса. Он чуял его за деревьями, затаившийся хищник, пригнувшись к самой земле, крался к источнику вожделенного аромата. Низкое рычание клочкотало в его груди, готовое в любой момент вырваться наружу, сметая все на своем пути. Добыча была совсем рядом, он чувствовал это.

Обуреваемый голодной яростью, медведь выбежал на поляну. Он готов был растерзать свою жертву в едином порыве, но вдруг застыл, пораженный увиденным. Перед ним, под раскидистой елью, мирно спал маленький олененок, прижавшись к боку матери. Рядом стоял могучий олень, его взгляд, полный настороженности, был устремлен в сторону медведя. Заметив зверя, он издал короткий, тревожный звук, и олениха с оленёнком мгновенно вскочили, ища защиты за спиной своего вожака. Олень, гордо вскинул голову и встретил взгляд медведя. В его глазах читалась решимость и готовность к бою. Он угрожающе выставил вперед свои острые рога и сделал шаг навстречу незваному гостю. В этот момент берсерк перевел взгляд на олениху, прикрывавшую своим телом испуганного олененка. В ее глазах плескалась не паника, а безграничная, всепоглощающая любовь и тревога за своих близких. Ее взгляд, казалось, молил о пощаде. И вдруг медведь почувствовал острую, ноющую боль в сердце. Сквозь пелену звериной ярости прорвались обрывки воспоминаний: Софа... ее улыбка, нежные прикосновения, ласковые слова... Медведь издал оглушительный рев, полный тоски и отчаяния, и круто развернувшись, бросился бежать прочь. Бежал долго, пока силы не стали покидать его. Добравшись до ручья, он остановился, тяжело дыша, и встряхнувшись, посмотрел в воду. В ней отразилось лицо человека. Михаил опустил на колени, зачерпнул пригоршню ледяной воды и умылся.

«Ты помни, я всегда рядом, в твоём сердце», – эхом звучали в голове слова Софы.

– Ты меня в очередной раз спасла, – прошептал он, глядя на свое отражение в воде.

Под утро, когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь кроны деревьев, Михаил вышел из леса. Его одежда была изорвана, но взгляд был ясным и решительным. Он шел медленно, с трудом переставляя ноги.

Тихо открыв дверь своего номера, он увидел, Пьера. Его друг, как статуя, застыл на кровати. Хмурясь, Михаил молча достал из сумки чистую одежду и скрылся в ванной. Холодные струи воды немного освежили его, смывая с тела и души остатки ночной прогулки.

Выйдя из ванной, он взглянул на друга. Непроницаемое лицо, ни тени удивления или облегчения.

– Нагулялся? – в голосе Пьера сквозило раздражение.

Михаил устало вздохнул и опустил рядом.

– Да, – отрезал он, не желая вдаваться в объяснения.

– Ты хоть понимаешь, как я волновался? – Пьер повысил голос. – Если с тобой что-то случится, что я скажу Софе?

– Ничего не случится, – оборвал его Михаил. – Я цел и невредим. Просто мне необходимо было побыть одному.

В этот момент зазвонил телефон. Пьер взял трубку и поднес ее к уху.

– Да, Ирэн? Что удалось выяснить?

– Я нашла его, Пьер. Родственник в Норвегии действительно существует. Дальний, правда, но все же... И новость не из приятных – он в тюрьме. Мелкий воришка, раньше не попадался, а тут вляпался по-крупному: украл какую-то бесценную картину у очень серьезного человека. Картину так и не нашли. Тюрьма в Осло. Имя – Оливер Йохансен. Фото я отправила. Я связалась с Томом, твоим детективом. Оказалось, у него университетский друг служит в полиции Осло. Он встретит вас в аэропорту. Билеты уже у тебя на почте. Вылет через три часа.

– Спасибо, Ирэн, – облегченно выдохнул Пьер. – Как Василиса?

– Не волнуйся, все в порядке. Легенда о командировке в Италию работает. Софа повезла её по магазинам... – Ирэн помедлила. – Дай трубку Михаилу.

Пьер протянул телефон другу и, не говоря ни слова, ушёл к себе собирать вещи.

– Миш, привет, – в голосе Ирэн звучала неприкрытая тревога.

– Что случилось, Ирэн? С Софой все в порядке? – Михаил не смог скрыть волнения.

– Софе снова приснился кошмар. Ты в клетке, из которой не можешь выбраться. Тьма сгущается вокруг, ты задыхаешься в ней. Она очень переживает за тебя, рвется к тебе... Я как могла, успокоила её, но ты же знаешь ее... – Ирэн тяжело вздохнула.

– Передай ей, что я люблю её и скоро приеду домой, – тихо произнес Михаил.

– Обязательно. И еще... будьте осторожны с этим родственником. Я его не знаю, но говорят, он скользкий и хитрый.

– Хорошо, – ответил Михаил и отключился.

Открыв сообщение от Ирэн, он увидел фотографию. С экрана смотрел смазливый художавый блондин лет двадцати с лукавой улыбкой.

Дверь скрипнула, и в комнату вошел Пьер, уже собранный и готовый к действию. Он посмотрел на Михаила.

– Ну что, друг, летим в Осло? Будем вызволять моего родственничка из тюрьмы? Только как мы это сделаем?

– Не знаю. Разберемся на месте. Но мы вытащим его оттуда любой ценой, – серьезно ответил Михаил. – Надо ехать к Сверре и рассказать, что мы узнали.

Глава 2

По дороге царил напряженная тишина. Пьер, обычно словоохотливый и энергичный, казался погруженным в свои мысли, следил за дорогой. Михаил краем глаза наблюдал за ним, понимая, что новость о родственнике-уголовнике явно не добавила ему оптимизма. Их план и так был хрупким, а теперь появился еще один фактор – непредсказуемый Оливер Йохансен. Да и зловещий сон Софы, неотступно преследовал Михаила, напоминая о надвигающейся буре. Он-то знал – это не просто сновидение, а злой вестник.

Сверре встретил их в своей мастерской, окруженный привычным хаосом инструментов, холстов и банок с красками.

– Бьорн! Уже вернулись! – прогремел его голос, и он протянул руку в крепком приветствии.

Пьеру он лишь коротко кивнул.

– Когда это ты начал писать картины? – с усмешкой поинтересовался Михаил, пожимая его руку, и подошел ближе к холсту, лежавшему на столе, чтобы рассмотреть творение друга. – А у тебя неплохо получается.

– А чем еще заниматься старому медведю? Рыбалка, да мазня на холсте, ну и бутылочка доброго джина, чтобы скрасить закат, – хрипло проворчал Сверре.

– Пойдем в дом, нужно кое-что обсудить. Нам скоро вылетать, – сказал Михаил, положив руку на плечо другу.

Сверре выслушал рассказ Михаила и нахмурился.

– Этот Йохансен... Не по душе он мне, – рассматривая фото сказал он. – Смазливая мордашка, да глазки маленькие – темная лошадка, одним словом. Стоит ли его вообще вытаскивать из тюрьмы?

– У нас нет выбора, – твердо отрезал Михаил. – Мы обязаны это сделать. Он единственный из охотников, кто еще живет в Норвегии. Нам нужно доставить его сюда и провести ритуал.

Сверре устало вздохнул и потер переносицу.

– Ладно. Какова моя роль? Лететь с вами? Знаете ли, я плохо переношу полеты...

– Тебе никуда лететь не придется. Твоя задача – подготовить все необходимое для ритуала. Сможешь? – вопросительно посмотрел Михаил на друга.

– Обижаешь! На это сил у меня хватит, – ответил Сверре, поглаживая бороду и бросая испытующий взгляд на Пьера.

– Отлично. Значит, летим в Осло. Подбросишь нас до аэропорта?

– Само собой, – просипел Сверре, вытирая руки, перепачканные краской.

В аэропорту их уже ждал небольшой частный самолет. Михаил тепло попрощался с другом. Перед тем как подняться на борт, он еще раз внимательно посмотрел на наго. В лице Сверре читалась тревога, смешанная с усталостью. Михаил знал, что подготовка к ритуалу отнимет у него немало сил, но он верил в преданность старого берсерка.

Весь полет Пьер держался отстраненно, словно боялся выдать свои мысли. Михаил пытался разговаривать его, но он отвечал односложно и уклончиво. Он понимал, что недоверие Сверре – это цена, которую ему приходится платить за прошлое своего рода, но в глубине души надеялся, что сможет заслужить его у берсерка.

Уже через два часа они ступили на землю Осло.

Осенний аэропорт города встретил их прохладным, влажным воздухом. Небо было затянуто свинцовыми тучами, предвещая скорый дождь. Ветер носил по взлетной полосе опавшие листья. Несмотря на это, в аэропорту царил привычная суeta: сновали люди с чемоданами, гудели самолеты, объявляли рейсы.

Они быстро прошли через зал прилета, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

Едва ступив на тротуар, к ним подошел мужчина в длинном сером пальто.

– Здравствуйте. Вы Пьер и Михаил? – прозвучал его голос, мягкий и чуть приглушенный.

– Да, – коротко ответил Пьер, настороженно оглядывая незнакомца. – Вы друг Тома?

– Именно. Лукас Ольсен, – представился мужчина, пожимая руки обоим. В его рукопожатии чувствовалась сдержанная сила. – Прошу за мной, машина ждет. Сначала в гостиницу, приведете себя в порядок, а затем – в тюрьму. Я договорился о вашей встрече с Оливером Йохансеном.

Лукас повел их к стоянке, где у обочины скромно примостился черный Audi. Автомобиль, казалось, вбирал в себя хмурое скандинавское небо, сливаясь с ним единым целым. В салон было тепло и пахло дорогой кожей, создавая контраст, с промозглостью снаружи. Лукас занял место водителя, и машина плавно тронулась в путь.

Дорога из аэропорта в город петляла между живописными холмами, поросшими еловым лесом. Сквозь пелену начинающегося дождя проглядывали серые крыши домов. Михаил молча наблюдал за пейзажем, пытаясь уловить что-то знакомое, что-то, что могло бы связать его с этой землей. Пьер, казалось, совсем не интересовался происходящим за окном, его взгляд был устремлен в одну точку перед собой.

Лукас включил радио, и в салоне зазвучала тихая, мелодичная музыка. Она обволакивала их, создавая атмосферу спокойствия и умиротворения.

– Обычно я слушаю новости, но, думаю, сейчас вам нужно немного расслабиться, – тихо произнес Лукас, бросив мимолетный взгляд в зеркало заднего вида.

Вскоре они въехали в город. Широкие проспекты сменялись узкими улочками, мощёными брусчаткой. Старинные здания с островерхими крышами соседствовали с современными небоскребами из стекла и бетона. Осло предстал перед ними городом контрастов, где прошлое и настоящее соседствовали.

Гостиница была расположена в самом центре города. Номер с видом на тихую улицу показался уютным Михаилу. Теплая ванна и мягкая постель манили к себе, обещая отдых и восстановление сил. Впереди их ждала встреча с Оливером Йохансеном, и он чувствовал, что к ней нужно подойти с ясной головой.

Сквозь сон Михаил уловил настойчивый, требовательный стук в дверь. С неохотой, будто выныривая из вязкого омута, он поднялся с кровати и открыл дверь. На пороге стоял Пьер, его лицо выражало легкое недоумение:

– Я стучу в дверь уже полчаса!

– Заходи. Заснул, не слышал, – Михаил посторонился, пропуская друга, и подошел к столу.

Он взял кувшин, налил в стакан воды и залпом выпил все содержимое, затем вопросительно посмотрел на Пьера. – Который час?

– Давно пора ехать! Лукас ждет внизу. Собирайся. Оливера заинтриговало наше внезапное появление, его мучает любопытство – зачем это французу и русскому он понадобился, – Пьер усмехнулся. – Нужно действовать тонко и дипломатично. Никаких резких движений, чтобы не спугнуть. Вполне возможно, он и понятия не имеет о своем истинном происхождении.

Михаил молча, с каким-то мрачным упрямством, натянул одежду, бросил на Пьера короткий, не предвещавший ничего хорошего взгляд и отрезал:

– Поехали.

Они вышли из гостиницы. У тротуара стоял черный автомобиль. Пьер и Михаил синхронно открыли двери и погрузились в кожаный салон.

– Отдохнули? Прекрасно. Тогда в путь, – Лукас повернул ключ зажигания, и машина плавно тронулась. – Том сказал, вы – дальний родственник Оливера, Пьер, и приехали навестить его. Но вот, что странно: когда я говорил с Оливером, он утверждал, что у него нет ника-

ких родственников, тем более во Франции и России... Но я давно знаком с Томом, поэтому согласился помочь, хотя это может создать мне проблемы.

– Не волнуйтесь, Лукас, – заверил его Пьер. – О существовании нашего норвежского родственника мы узнали совсем недавно. А когда узнали, что он в тюрьме, посчитали своим долгом помочь. Семья должна держаться вместе, разве не так? К тому же мой друг, Михаил, родился в этих краях и давно не бывал в Норвегии. Решили, как говорится, совместить приятное с полезным, – Пьер многозначительно взглянул на Михаила.

– Понятно, ну что ж, – Лукас натянуто улыбнулся. – Скоро будем на месте.

Машина свернула с автострады на узкую проселочную дорогу. Вокруг простирались холмы, поросшие темно-зеленым лесом, а вдалеке виднелись сверкающие воды фьорда. Ничто не предвещало, что здесь, в сердце норвежской идиллии, находится место, где отбывают свой срок преступники.

Вскоре дорога привела их к высоким, но на удивление не мрачным стенам тюрьмы. Она скорее напоминала современный жилой комплекс, чем обитель скорби и наказания. Аккуратные лужайки, просторные окна, отсутствие колючей проволоки – все говорило о философии исправления, а не подавления. Лукас припарковал машину у входа, и трое мужчин вышли. Ветер с фьорда принес свежий, солоноватый запах моря.

Процедура оформления заняла некоторое время. Лукас, пользуясь своими связями, общался с охраной, а Пьер и Михаил молча ждали в просторном, светлом холле. Пьер, казалось, особенно нервничал. Он неотрывно смотрел на большие окна, за которыми виднелся внутренний двор тюрьмы. Двор был оживленным: заключенные занимались спортом, играли в шахматы на открытом воздухе, кто-то читал книгу на скамейке. Совсем не похоже на российские тюрьмы.

Наконец, Лукас вернулся.

– Все готово, пойдемте, – сказал он, и они направились к внутренним помещениям тюрьмы.

Коридоры были широкими и чистыми, стены выкрашены в пастельные тона. Встречные охранники вежливо здоровались с Лукасом. Атмосфера была почти домашней. Пьер удивленно покачал головой. Он представлял себе тюрьму совсем по-другому, в угрюмых тонах и с тяжелой атмосферой безысходности.

Когда они подошли к комнате для свиданий, сердце Пьера забилось сильнее. Михаил, стараясь приободрить друга, улыбнулся.

– Миш, ты помнишь? Только спокойно. Без напора. Главное, донести до него правду так, чтобы он нам поверил и захотел помочь.

Михаил, с непроницаемым выражением лица, распахнул дверь.

Комната оказалась на удивление уютной и обжитой. В центре стоял небольшой деревянный стол, окруженный тремя бархатными креслами. Вдоль стены выстроился книжный шкаф, уставленный пестрыми корешками, напротив – большой современный телевизор, мягкий красный диванчик и небольшой холодильник. В углу виднелась неприметная дверь, за которой скрывались туалет и раковина.

В одном из кресел небрежно развалился Оливер. Молодой, худощавый блондин, едва перешагнувший двадцатилетний рубеж. Заметив вошедших, он неспешно поднялся и одарил их кривой усмешкой.

– Так это вы хотели меня видеть? – обратился он к Пьеру с притворным удивлением. – И чем же я, такая скромная персона, мог понадобиться столь уважаемым бизнесменам? Новый заказ? Что-нибудь украсть? Боюсь, мой график расписан на ближайшие пять лет. Так что извините, ничем не могу помочь, – закончил он с издёвкой.

Взгляд Михаила, казалось, прожигал Оливера насквозь. Шагнув вперед, он был готов разорвать самодовольного юнца на части. Пьер, предугадав порыв друга, проворно загородил ему дорогу. – Здравствуйте, Оливер. У нас к Вам не дело, скорее, просьба... Я все объясню.

Пьер бросил предостерегающий взгляд на Михаила и, ободряюще улыбнувшись, прошептал: – Спокойнее.

Они расселись в креслах. Оливер расправил плечи, вмиг превратившись в короля, к которому явились просители.

– Как Вы поняли, что мы бизнесмены? – поинтересовался Пьер у молодого человека.

Оливер презрительно хмыкнул: – Здесь у нас все чин по чину. Полный пансион и все условия для перевоспитания. Живем как у Христа за пазухой. Даже интернет есть и новенький ноутбук. Я по своим каналам пробил, что Вы, Пьер Галуа, – он взглянул на Пьера, – владеете процветающим бизнесом во Франции и других странах, целой сетью бутиков элитной парфюмерии. А Вы, Михаил Силович, – его взгляд скользнул к Михаилу, – преуспеваете в России, выращиваете лаванду в промышленных масштабах и изготавливаете из нее все, что только можно. Хотя, глядя на Вас, я скорее подумал бы, что Вы телохранитель. Как-то не вяжется Ваш образ с лавандовыми полями, – его улыбка стала еще шире. – Но так и не понял, что вам от меня нужно? – он вызывающе посмотрел на Михаила, который едва сдерживал гнев.

– Оливер, Вы не знаете самого главного... – Пьер сделал паузу, стараясь придать своим словам вес. – Вы мой родственник. Дальний. И нам нужна Ваша помощь в одном очень важном деле, – и Пьер начал свой рассказ с самого начала.

Закончив повествование, Пьер выжидающе посмотрел на парня.

Тот слушал с надменной улыбкой, а потом вдруг разразился хохотом.

– Вы серьезно? И вы думаете, я поверю во весь этот бред про бессмертных берсерков и охотников-медвежатников? Что за чушь! Да и вообще, здесь мне вполне комфортно. Кормят прилично, условия отличные, я даже могу свободно передвигаться по городу. Нет. Все. Уходите. Не желаю иметь ничего общего с психами.

– Да он просто издевается над нами! – взревел Михаил. Вскочил с кресла и схватил Оливера за горло. – Ты, сопляк, будешь мне указывать, что делать? – глаза Михаила вспыхнули недобрым огнем. Он приподнял парня над полом, прорывав: – Или ты хочешь на собственной шкуре испытать, кто я такой на самом деле?

Оливер, задыхаясь, отчаянно дергал ногами и тщетно пытался высвободиться из мертвой хватки.

– Михаил, остановись! Ты ничего этим не добьешься. Он даже говорить не может, ты его сейчас задушишь! Отпусти его, он нам нужен живым, – произнес Пьер, испугавшись не на шутку за жизнь новоявленного родственника.

Михаил, испепеляя Оливера взглядом, швырнул его обратно в кресло. Яростно рыкнул, грудь его тяжело вздымалась, злоба клокотала внутри. Снова опустившись в кресло, он процедил сквозь зубы: – Мне плевать, признаешь ты себя охотником или нет. Веришь ты нам или нет. В твоём жалком теле течет кровь охотников. Ты нам нужен как свидетель для заключения мирного договора, и все... можешь возвращаться обратно в свою тюрьму или катиться ко всем чертям.

Оливер, растирая покрасневшее горло, жадно глотал воздух. Придя в себя, он устроился поудобнее в кресле и с испугом посмотрел на разъяренного Михаила. Затем, немного успокоившись, хитро улыбнулся и прохрипел: – Допустим, все, что вы сказали, – правда. Какая мне от этого выгода? Как вы собираетесь вытащить меня отсюда? Я, конечно, могу спокойно выйти и свободно гулять по городу, но если я не вернусь в течение четырех часов, меня объявят в розыск. А за побег срок увеличится вдвое, – и он вопросительно посмотрел на Михаила, переводя взгляд на Пьера.

– У нас есть, что тебе предложить, – ответил Пьер и серьезно посмотрел на Оливера. – Ты помогаешь нам, а мы делаем тебе новый паспорт, неотличимый от настоящего, и переправляем тебя в любую страну по твоему выбору.

Оливер задумался.

– Думай быстрее, – рявкнул Михаил. – Или тебе помочь с правильным ответом? – он приподнялся в кресле.

– Нет, не нужно. Я понял, – испуганно ответил Оливер. – Как я понимаю, выбора у меня нет. Да и я давно мечтал пожить в Испании, погреться под теплым солнцем и познакомиться с горячими испанками, – и он уже живо представил себе эту картину. – Хорошо. Я согласен, – и с хитрой улыбкой он протянул руку Пьеру.

Пьер, в знак заключения договора, пожал ему руку.

– Только ты держись от меня подальше, – процедил Оливер, кивнув в сторону Михаила.

Они договорились встретиться через два часа в центре, в крошечном кафе «Уютная Норвегия».

– Ну, как все прошло? – поинтересовался Лукас, дожидаясь их у выхода.

– Замечательно. Познакомились. Будем навещать нашего родственника при первой возможности, – Пьер улыбнулся и сел в машину. Михаил, исподлобья глянув на Лукаса, последовал за ним.

– В гостиницу? – спросил мужчина, глядя на Михаила в зеркало заднего вида.

Тот молча кивнул, и машина тронулась с места.

– Потом вас в аэропорт отвезти? – уточнил Лукас.

– Мы бы хотели задержаться в городе. Прогуляться по старинным улочкам, посетить музеи, – Пьер улыбнулся. – Дальше мы сами. Спасибо Вам большое за помощь.

– Да не за что. Обязательно передавайте привет Тому. Давно его не видел, – и Лукас погрузился в приятные воспоминания.

Михаил смотрел в окно, монотонность дороги успокаивала, а перед глазами стояла Софа.

Вдруг он почувствовал, как его кто-то трясет за плечо. Открыв глаза, он увидел лицо Пьера.

– Приехали, – сообщил друг.

Они вышли из машины, попрощались с Лукасом и направились в гостиницу. Мужчина недоверчиво смотрел им вслед.

Переодевшись и поужинав в гостиничном кафе, друзья вызвали такси.

– Кафе «Уютная Норвегия», – произнес Михаил таксисту. Мужчина коротко кивнул, и машина, утробно взревев мотором, рванула в темнеющие объятия вечернего города.

У дверей кафе их уже подждал Оливер. Зябко кутаясь в теплую куртку, он нетерпеливо мерил тротуар шагами, тщетно пытаясь согреться в этом пронизывающем холоде.

Пьер расплатился с водителем, и они вышли из машины. Ветер обрушился на них яростным порывом, словно разгневанный Один. Пьер плотнее запахнул ворот куртки.

– Как ты здесь столько лет жил? Не представляю, – поежившись, он подошел ближе к Михаилу.

Михаил усмехнулся: – Так же, как и твои предки. Пошли. Вон Оливер мерзнет, – он кивнул в сторону парня.

– Ну, наконец-то! Я уж думал, околею здесь, не дождавшись вас, – проговорил парень, дрожа всем телом.

– Почему не зашел в кафе? – спросил Пьер.

– Не хочу, чтобы кто-нибудь меня видел, – уклончиво ответил тот.

– Правильно. Ты парень не промах, – одобрительно сказал Михаил и небрежно положил руку на плечо Оливеру.

Парень от неожиданности вздрогнул. Михаил добродушно рассмеялся.

– Ладно, нужно найти машину, чтобы добраться до аэропорта. Такси я отпустил. Надо выбираться отсюда как можно скорее, – поторопил их Пьер, растирая заледеневшие руки.

– Машина уже ждет за углом. Я позвонил своему другу. Ему можно доверять. Он отвезет нас в аэропорт.

– Отлично! Тогда пошли быстрее, а то превратимся в сосульки, – сказал Пьер и прибавил шаг.

Они быстро завернули за угол и увидели невзрачный темно-серый седан, припаркованный рядом с громоздким зданием. За рулем действительно сидел молодой человек, он с любопытством наблюдал за приближающейся компанией. Оливер кивнул ему, подтверждая, что это те самые люди. Парень вышел из машины и, коротко поздоровавшись, открыл заднюю дверь.

Пьер с Оливером забрались внутрь первыми, а Михаил устроился на переднем сиденье. Машина тронулась, плавно выезжая на дорогу. В салоне царила тишина, нарушаемая лишь тихим гулом мотора и редкими звуками проезжающих мимо машин. Пьер исподтишка поглядывал на Оливера, пытаясь понять, что творится у того в голове. Парень казался напряженным и взволнованным, словно загнанный зверь, чующий опасность.

Примерно через час они подъехали к аэропорту. Друг Оливера высадил их у входа и быстро уехал, не дожидаясь благодарности. Пьер облегченно вздохнул. Самая сложная часть пути, казалось, была позади.

Пьер украдкой взглянул на Михаила и Оливера. Их лица были серьезны и напряжены, как перед боем. Впереди их ждала долгая дорога и много неизвестности. Но он был уверен в одном: они справятся. Вместе они выберутся из этой передряги.

Они прошли мимо регистрационной стойки, будто тени. Оливер, с удивлением, нарушил тишину:

– Разве нам не нужна регистрация?

Михаил фыркнул, бросив на него взгляд, полный снисходительной иронии.

– Ты серьезно, парень? Паспорт хоть при себе?

Оливер осекся, внезапно осознав нелепость своего вопроса. Молчание повисло в воздухе, густое и неловкое.

– У нас частный самолет, – пояснил Пьер, смягчая тон. – Я еще в Осло договорился с пилотом, взял его номер. Позвонил, как только мы собрались обратно. К счастью, он был в городе и согласился нас подбросить до Харстада. Так что можете благодарить меня.

– Спасибо, – сказал Михаил и взглянул на Оливера с упреком, и в голосе его прозвучала неприкрытая строгость. – Тебя мама в детстве совсем не учила приличиям?

– У меня не было мамы. Я вырос в детском доме... Спасибо, – прошептал Оливер, потупив взгляд.

Михаил впился в него тяжелым, оценивающим взглядом.

– И чему тебя научил этот детский дом? Воровать?

– Жизнь научила, – огрызнулся Оливер, стиснув зубы.

– Так, хватит копаться в прошлом, нас уже ждет самолет, – отрезал Пьер, пресекая назревающий конфликт.

Михаил решительно направился к выходу на летное поле, Пьер и Оливер поспешили за ним. Ветер хлестал в лицо, принося с собой запах авиационного топлива. Перед ними стоял небольшой частный самолет. Пилот уже ждал у трапа, приветливо махнув рукой.

Поднявшись на борт, они устроились в мягких креслах. Салон был уютным и комфортабельным, с кожаной обивкой и деревянными панелями. Пьер откинулся на спинку кресла, чувствуя, как напряжение постепенно покидает его. Он закрыл глаза, представляя долгожданную встречу с Василисой, и улыбаясь заснул.

Оливер смотрел в иллюминатор, наблюдая за тем, как самолет набирает скорость на взлетной полосе. В его глазах отражался страх и волнение. Он никогда раньше не летал на

самолетах, и вся эта ситуация казалась ему просто страшным сном. Мысли о детском доме и о той жизни, которую он оставил позади, вновь нахлынули на него.

Михаил сидел молча, скрестив руки на груди. Его взгляд был устремлен вдаль, в темноту за окном. Мысли роились вокруг грядущего ритуала, вокруг Соглашения, которое отделяло его от Софии лишь тонкой гранью ожидания. София... светлая, добрая, созданная из тепла и нежности. Воспоминание о ней коснулось его щетинистой щеки, как легкое дуновение ее пальцев. Улыбка, робкая и мимолетная, осветило его лицо, но тут же погасла, словно испугавшись тишины. Михаил оглянулся, боясь, что кто-то увидит его слабость, и отвернулся к иллюминатору.

Два часа полета прошли незаметно. Ступив на шершавый асфальт, Оливер облегченно вздохнул, впуская в легкие морозный воздух.

– Какое блаженство чувствовать землю под ногами, – вырвалось у него.

Пилот хмыкнул, они обменялись коротким прощанием, и друзья двинулись к выходу.

– Такси? – улыбаясь, спросил мужчина средних лет, выглядывая из окна.

– Да, – ответил Михаил и распахнул дверцу, пропуская Оливера вперед. Пьер устроился на переднем сиденье.

– Куда вас доставить, господа? – добродушно поинтересовался таксист.

Михаил назвал адрес и обернулся к Оливеру.

– Далеко еще? – спросил парень.

– К моему старому другу, – отозвался Михаил, – там ты будешь в безопасности.

Машина сорвалась с места, и огни города поплыли навстречу.

Тем временем в тюрьме Осло раздался пронзительный, режущий слух звонок тревоги.

– Капитан, заключенный Оливер Йохансен не вернулся из города! – отрапортовал запыхавшийся сержант - надзиратель, подходя к высокому, широкоплечему мужчине в безупречной форме.

Капитан нахмурился, и его голос прогремел по коридору, как раскат грома: – Кто сегодня был на вахте?

– Я, капитан, – дрогнувшим голосом ответил надзиратель, предчувствуя неминуемую бурю.

– Объявляй перехват! Фотографию Оливера Йохансена – на каждый столб, чтобы она мелькала на каждом экране! А ты... уволен. Пиши рапорт, сержант, – капитан отвернулся, не желая больше видеть жалкое лицо провинившегося надзирателя, и решительным шагом направился к себе в кабинет.

Зайдя в комнату, он тут же схватил телефон и набрал знакомый номер. После нескольких томительных гудков послышался хриплый мужской голос.

– Говори, – коротко произнес он.

Капитан доложил: – Оливер Йохансен сбежал.

На другом конце провода воцарилось молчание, нарушаемое лишь едва слышным дыханием. Затем прозвучало несколько отрывистых фраз, и капитан ответил: – Вас понял. Будет исполнено.

Положив трубку, капитан вызвал в кабинет сержанта, бледного и перепуганного.

– Отменяй тревогу, – приказал он ледяным тоном.

– Но как же, капитан? Ведь Йохансен... сбежал... – пролепетал сержант, запинаясь от волнения.

– Я сказал – отменяй! – взревел капитан, обрушив кулак на стол. Его глаза метали молнии. – И чтоб духу твоего здесь больше не было!

Глава 3

Мифами и легендами окутана Норвегия. Величественная и суровая страна.

Где ветер поет древние саги, шепча их в кронах вековых сосен. Волны, разбиваясь о гранитные скалы, вторят этой песне. Здесь, в каждом вздохе природы, живут истории о богах и героях, о великанах и троллях, о любви и предательстве, о чести и коварстве. Саги о викингах, чьи драккары рассекали моря, о мудрых скальдах, воспевавших их подвиги, о рунах, хранящих в себе сокровенные знания, – все это дышит жизнью в воздухе Норвегии, передаваясь из поколения в поколение.

Норвежцы верили в существование не только богов, но и множества других существ, населявших их мир. Тролли, огромные и злобные, обитали в горах и пещерах, нападая на путников. Эльфы, прекрасные и загадочные, жили в лесах и рощах, даря удачу тем, кто относился к ним с уважением. Гномы были искусными кузнецами и ремесленниками, хранили сокровища в недрах земли. Все они были частью сложного и взаимосвязанного мира, где границы между реальностью и фантазией были размыты.

Легенда рассказывает о великом дереве Иггдрасиль, чьи корни пронзали все девять миров: Асгард, обитель богов, Мидгард, мир людей, Ётунхейм, царство великанов, и другие. На ветвях Иггдрасиля обитали различные существа, в том числе орёл, змея Нидхёгг и белка Рататоск, которая переносила проклятия между ними.

Из уст в уста передавались предания о величественной горе Кригхорн, чей пик теряется в облаках над сердцем Норвегии, там, где фьорды, словно клинки, рассекают гранитные скалы.

Правдивы ли легенды, окутывающие эту гору, и существует ли она на самом деле – остается лишь гадать.

Шепчутся, что в ее темных пещерах обитают гномы, стерегущие несметные сокровища. Другие утверждают, что на вершине горы можно увидеть древних духов, наблюдающих за потомками с высоты небес. И все сходится в одном: Кригхорн – место силы, где переплетаются миры, где реальность смешивается с мифами, где стираются границы между жизнью и смертью.

Существует легенда, которая гласит: на вершине горы Кригхорн, бьёт из-под земли родник, чьи воды чисты, как слеза девы, и холодны, как дыхание Нифльхейма. Не ручей то, и не озеро, а колодец, глубокий и мрачный, окутанный легендами, древнее самих вершин. Его называют Колодец Тора, и всяк, испивший из него, не снимет ответственность за содеянное, не вернет павших, но даст возможность начать все с чистого листа.

Говорят, колодец был вырыт не людьми и не богами, но таинственным народом Цвергов – гномами, хранителями тайных знаний и мастерами, чье искусство превосходило все, что могли создать смертные.

В тот момент, когда гномы стояли у края колодца, в небе вспыхнул яркий свет. Это был сам Тор, громовержец, сын Одина, прилетевший на своей колеснице, запряженной козлами Таннгрисниром и Таннгёстром. Он взмахнул своим молотом, и молния ударила в скалу рядом с колодцем, расколов ее надвое. Из расселины вырвался фонтан искр, а в воздухе запахло серой.

Тор в ярости воззвал к гномам: – Вы, народ Цвергов без согласия богов вырыли этот колодец и будете наказаны за это! Будете его хранителями – вечность, неспособными испить из него и освободиться!

В глубине колодца спрятана сила, способная исцелить даже самые глубокие раны, оставленные враждой и ненавистью. Вода его дарует исцеление, но требует жертвы. Она не снимет ответственность за содеянное, не вернет павших, но даст возможность начать все с чистого листа тому, кто готов был расстаться с самым дорогим.

С тех пор Колодец Тора, или, как его нарекли после, Колодец Примирения, оказался под неусыпной охраной гномов.

И когда, берсерк – Харальд Могучий, глава рода «Великой Анны» и Венсан Галуа, предводитель династии охотников-медвежатников, устали от бесконечной череды вражды и смертей, они пришли к Мирному Соглашению. Но, чтобы скрепить его нерушимой печатью, требовался ритуал, а для него – вода из Колодца Тора, сокрытого гномами на горе Кригхорн.

И тогда Бастиан, старший сын Венсана Галуа, обуреваемый жаждой положить конец ненавистной ему войне между берсерками и охотниками, вызвался покорить неприступную вершину и добыть священную воду из древнего колодца. Отец, видя твердость его решения, благословил сына в опасный путь.

Бастиан отправился в путь на рассвете, когда первые лучи солнца коснулись заснеженных вершин Кригхорна. Он был одет в прочную кожаную броню, а на поясе висел меч, унаследованный от деда. В руках он держал посох, надежный спутник в долгих странствиях. Знал Бастиан, что путь к Колодцу Тора будет нелегок. Лишь самые отважные, решаются бросить вызов Кригхорну и подняться на ее склоны. Тропы, ведущие к вершине, узки и опасны. Они петляют между острых скал, пересекают бурные ручьи и скользкие осыпи. Одна неосторожная ошибка может стоить жизни, и ветер, как коварный искуситель, подталкивает к краю пропасти, словно испытывая на прочность.

Поднимаясь по склонам горы, Бастиан чувствовал, как меняется вокруг мир. Деревья становились ниже и корявее, скалы – острее и неприступнее. Холод пронизывал до костей, а ветер выл, словно голодный зверь. Но он не сдавался. В его сердце горел огонь надежды, и он знал, что должен добраться до Колодца, чтобы положить конец вечной вражде.

Наконец, взойдя на вершину горы, Бастиан оказался у зияющего каменного колодца, чья древность была пропитана в каждом руническом знаке, в каждом мерцающем самоцвете, вмуравленном в его края. Собрав волю в кулак, Охотник приблизился и заглянул в кристальную бездну. Ледяной воздух обжег щеки. И тут, словно из самой горы, раздался хриплый, скрипучий голос: – Я знаю, зачем ты пришел, Бастиан, сын рода охотников. Но готов ли ты расстаться с сокровенным, с тем, что дороже жизни?

Бастиан обернулся. Сзади него стоял гном. Невысокого роста, но крепкий, коренастый. Его руки, изборожденные сетью шрамов и загрубевшие от непосильного труда, казались клещами кузнечного молота. Широкие плечи, казалось, выдерживали бремя самой тверди. Кольчуга облегла его тело, а поверх нее – потемневший от времени фартук из кожи горного козла. В руках гном держал молот – не оружие войны, но символ его власти и ремесла. Гном одним своим видом внушал почтение.

В знак уважения Бастиан склонил голову, почти касаясь земли, и, подняв взгляд, произнес: – Величайшая моя ценность – меч, переданный мне от деда. Он – символ нашего рода, переходящий из рук отца к сыну.

В едином плавном движении Бастиан извлек клинок из ножен. Лезвие вспыхнуло, ослепительно сияя. На рукояти, словно живые, пульсировали вырезанные символы, повествующие о величии рода Галуа.

– Неужели ты готов пожертвовать им, ради призрачной надежды на мир между берсерками и охотниками? – пророкотал гном, приближаясь. В его голосе слышалось недоверие.

Бастиан долго смотрел на драгоценный меч, затем перевел взгляд на настороженного гнома, и в глазах его отразилась стальная решимость.

– Да, готов, – глухо ответил он.

С этими словами он подошел к колодцу и, ни на миг не дрогнув, бросил туда меч. Удар металла о камень отозвался в воздухе погребальным звоном. Мгновение спустя вода в колодце забурлила, словно взбешенный зверь, и окрасилась в багряный цвет, запенившись от принятого дара. Затем, смирившись, она успокоилась и вновь стала кристально чистой.

– Колодец принял твою жертву, охотник, – проговорил гном, в его голосе теперь сквозило удивление. – Можешь начерпать воды, сколько унесешь.

Бастиан достал потертый кожаный бурдюк и зачерпнул живительную влагу из священного колодца.

Он хотел поблагодарить гнома, но повернувшись, обнаружил лишь пустую тишину. Гном исчез.

Ритуал Соглашения проходил на закате, в лесу Хёрельдсон. Именно здесь, на усыпанной мхом поляне, обгазированной когда-то кровью берсерков и охотников, готовился свершиться обряд, призванный положить конец многолетней вражде.

Посреди поляны высился древний камень, иссеченный рунами, помнивший ярость минувших сражений. Вокруг него собрались представители двух родов: клан «Великой Анны», берсерки, способные оборачиваться медведями, превращаясь в неуправляемую силу природы, и клан Галуа, потомки искусных Охотников – медвежатников, веками выслеживавших и уничтожавших берсерков. В глазах одних читалась настороженная надежда, в других – ледяное недоверие, унаследованное от отцов и дедов.

Харальд Могучий, великий берсерк с седой бородой, заплетенной в толстые косы, ступил вперед. В его руках покоился рог, наполненный священной водой из колодца Тора. Навстречу ему вышел Венсан Галуа, глава рода охотников, худощавый, но жилистый мужчина с пронзительным взглядом. В его руках была чаша, наполненная той же священной водой.

Свидетели этого обряда подошли ближе.

Первым выступил Харальд Могучий. Он прочел клятву, говоря о признании силы и стойкости рода Галуа, об уважении к их охотничьим навыкам и мудрости. Он поклялся, что отныне берсерки прекратят набеги на владения охотников, если те, в свою очередь, перестанут преследовать их.

Венсан Галуа в ответ произнес свою клятву, обещая уважать древние обычаи и земли берсерков, признавая их право на существование. Он поклялся, что охотники будут преследовать их, лишь в случае реальной угрозы, а не из жадности к жизни. Его слова, как острые зубрины, врезались в тишину леса, подтверждая серьезность намерения.

Настал момент истины. Харальд Могучий надрезал ладонь своим боевым ножом и позволил капле крови упасть в чашу с водой. Венсан Галуа, в свою очередь, нанес себе такой же порез и добавил свою кровь в рог с водой. Обе емкости были поднесены к древнему камню. И наконец, священная вода, смешанная с их кровью была вылита на камень, где она смешалась, пропитывая каждую руну.

Главы родов, скрепив клятву кровью, пожали друг другу руки, словно высекая Соглашение о мире на самой ткани времени. Каждый свидетель, будь то закаленный в битвах берсерк или молчаливый охотник, подходил к камню и касался его, принимая на себя бремя ответственности, становясь живым гарантом соблюдения священной клятвы. Отныне мир зависел от их чести и памяти предков.

В лесу воцарилась тишина, прерываемая лишь шепотом ветра. Казалось, даже деревья замерли в ожидании. На лицах берсерков и охотников читалось напряжение, смешанное с тревогой и робкой надеждой. Багряные письмена древних рун, вырезанных на священном камне и окропленных их кровью и священной водой, проступили ярче, возвещая о том, что Соглашение принято духами предков. На пороге забрезжил рассвет новой эпохи – эпохи примирения и взаимопонимания между двумя родами, чья вражда долгие века багрила землю кровью.

Эта легенда передавалась из уст в уста у берсерков и охотников, напоминая о том, что даже самая жестокая вражда может быть преодолена, если есть воля к миру и готовность к жертве во имя будущего.

На Сверре лежала священная миссия – добыть священную воду из колодца Тора. Проводив Михаила и Пьера, он вернулся домой. Собрав в дорогу все необходимое, он сел в машину, и взревев мотором, направился к горе Кригхорн.

Оказавшись у подножия великой горы, Сверре посмотрел вверх. Кригхорн возвышалась над ним, будто древний страж, чья вершина терялась в туманной дымке. Величественная и суровая – он ощутил трепет перед этой природной твердыней. Холодный ветер пронизывал его до костей, напоминая о суровости норвежской земли и серьезности его задачи.

Он выдохнул, собираясь с духом, и начал подъем. Каменистая тропа вилась серпантинном, уводя его все выше и выше. Под ногами хрустел щебень, а в ушах звенела тишина, нарушаемая лишь редкими криками птиц. С каждым шагом гора испытывала его на прочность, требуя выносливости и решимости.

Час за часом Сверре упорно продвигался вперед. Тени сгущались, делая путь еще более трудным. Но мысль о священной воде и о великой цели придавала ему сил. Он знал, что не имеет права сдаться, ведь на нем лежала надежда берсерков и охотников.

Наконец, когда силы были на исходе, Сверре достиг цели. Он оказался у зияющего каменного колодца, не тронутого временем. По краям его мерцали самоцветы, а по окружности выселись, застывшие во времени, начертанные руны. Собрав остатки воли в кулак, старый берсерк приблизился и заглянул в кристальную бездну, уходящую вглубь колодца.

– Здравствуй, Сверре! – раздался позади него хриплый голос.

– Неужели боги выбрали тебя для этой миссии? Рад, весьма рад встречи, берсерк из рода «Диких медведей»! Давненько не пересекались наши пути, старый друг.

Сверре обернулся и увидел Фьельсивара, расплывающегося в широкой, чуть кривоватой улыбке. Время не коснулось его – все такой же кряжистый, будто вырубленный из цельного куска гранита. Руки, испещренные шрамами и мозолями, выдавали в нем неутомимого труженика. Кольчуга сияла, облекая его крепкое тело, а поверх нее красовался потемневший от времени фартук из кожи горного козла. В руках гном небрежно перекидывал свой молот, словно тот был не тяжелым оружием, а легким камнем.

– Фьельсивар, старый черт! Вот уж не думал, что ты жив! – радостно пробасил Сверре, заключая гнома в медвежьи объятия.

– А куда я денусь? Я прикован, к этому проклятому колодцу навечно, вместе со своими братьями. Чтоб ему пусто было, – проворчал старый друг, не скрывая, впрочем, тени улыбки.

И они крепко обнялись, два воина, чьи судьбы вновь сплелись на вершине древней горы.

– Сверре, ты же понимаешь, что я так просто не смогу тебе позволить набрать священной воды? Готов ли ты отдать самое сокровенное, то, что дороже самой жизни? – спросил он и пронзительно посмотрел на берсерка.

Сверре поднял глаза, полные тоски:

– Самым ценным для меня была моя семья, но ее давно нет. Единственное, что у меня осталось – это старый берсерк, обреченный скитаться в одиночестве, – он тяжело вздохнул и встретился взглядом с Фьельсиваром.

Гном изумленно взглянул на друга:

– Неужели ты готов отдать бессмертие этому колодцу?

– Фьельсивар, друг мой, я уже не тот берсерк, которого ты помнишь, – ответил Сверре. – Я лишь хочу быть рядом с женой и детьми. Я устал от вечной битвы. Я не доверял охотникам и не рад их мнимому миру. И мои опасения подтвердились. Нарушили Соглашение именно они. Но я знаю точно, что войне не место на нашей земле.

– Что ж, да будет так, – произнес гном и протянул ему ладонь.

Сверре ответил на рукопожатие и, приблизившись к колодцу, опустил руки в священную воду.

Вода в колодце забурлила и окрасилась в багряный цвет, запенившись от принятого дара. Затем, смирившись, она успокоилась и вновь стала кристально чистой.

Сверре выдохнул, будто с плеч его свалилась непосильная ноша.

– Колодец принял твой дар, Сверре, – прозвучал голос гнома, в котором слышалась скорбь. – Бери воды, сколько унесешь.

Сверре бережно наполнил принесенный сосуд, ощущая, как сила воды проникает в него. Закончив, он обернулся, чтобы попрощаться с другом, но гнома уже и след простыл...

Он спустился с Кригхорн, чувствуя небывалую легкость. Не только физическую, но и душевную. Тяжесть прожитых веков, бремя решений и ответственность за будущее – все это словно соскользнуло с его плеч, оставив после себя лишь умиротворение.

Глава 4

Такси бесшумно подъехало к темному дому Сверре, будто призрак. Глубокая ночь окутала город сонной пеленой. Михаил выбрался из машины, выпуская Оливера на прохладный воздух. Пьер последовал за ним. Отсчитав купюры, мужчина протянул их таксисту в окно, устало улыбнулся. Таксист поблагодарил его и растворился в ночной мгле, словно и не было его вовсе.

– Машины Сверре нет. Наверное, уехал в лес, – пробормотал Михаил, ступая по тропинке, ведущей к дому.

Пальцы нырнули в цветочный горшок, нашаривая заветные ключи. Щелчок замка, и дом поглотил их: Пьера, Михаила и настороженного Оливера.

Парень обвел взглядом роскошное убранство и присвистнул от восхищения.

– Неплохо живет твой друг. Богач, видать.

– Даже не смей ничего трогать, – прорычал Михаил, испепеляя взглядом воришку.

Оливер моментально осознал серьезность угрозы и поспешно водрузил серебряную статуэтку коня на прежнее место.

Пьер прошел на кухню, отыскал в полумраке три стакана и извлек из глубин барного шкафа бутылку джина. Вернувшись в гостиную, он молча расставил стаканы на столе.

Михаил с наслаждением откинулся в кресле, разминая затекшую шею. Хруст позвонков отозвался облегчением. Он выпрямился и устроился поудобнее. Пьер протянул другу стакан, наполненный терпким джином. Оливер, примостившись у камина, жадно протягивал руки к пляшущим языкам пламени.

– Присоединяйся, – предложил Пьер, указав на свободное кресло. – День был адским. Мы все заслужили передышку.

Оливер опустил в кресло, одним глотком осушил стакан и устало улыбнулся.

– Надо немного отдохнуть, – пробормотал Пьер, допивая джин. – Я еле на ногах стою. Скоро рассвет.

– Хорошо, Пьер. Иди, отдыхай. А я еще посижу, – ответил Михаил, глядя на мирно посапывающего Оливера.

Он перевел взгляд на огонь в камине. Погрузился в его пляшущую суть, искал в нём ответы на вопросы, которые грызли его душу. Пламя было живым, дышащим, изменчивым, как и сама жизнь. Каждый язычок – отдельная история, мгновение, танец света и тени.

Внизу, у самых дров, оно лениво лизало поленья, как огромный рыжий кот, нехотя пробуждающийся после долгого сна. Угли, потрескивая, роняли искры, похожие на маленьких светлячков, ненадолго вылетающих в темное пространство камина и тут же исчезали, угасали в небытие. Выше, где борьба огня с воздухом становилась более ожесточенной, пламя преобразалось. Языки становились тоньше, острее, стремительнее. Они вытягивались вверх, подергивались, дрожали, демонстрируя всю свою непокорность и дикую красоту. Казалось, будто в самом сердце огня заключена маленькая, но невероятно мощная звезда, излучающая свет и тепло во все стороны. А на самой вершине, у устья дымохода, пламя становилось прозрачным, почти бесцветным. Едва различимым трепетом оно прощалось с теплом дома и устремлялось ввысь, вместе с серым дымом, унося с собой пепел воспоминаний. В этом завораживающем танце огня Михаил находил утешение и ответы. Он видел в нём отражение собственной души – с её темными, угрюмыми глубинами, яркими, страстными порывами и тихой, умиротворенной вершиной, стремящейся к свету. И чем дольше он смотрел, тем яснее видел себя как в зеркале, отражающем саму его суть.

Звук отворяющейся входной двери вырвал его из лабиринта задумчивости. Это был Сверре. Мужчина вошел в дом. От него веяло прохладой ночного леса и едва уловимым аро-

матом диких трав. Взгляд его, глубокий и пронзительный, скользнул по Михаилу, задержался на спящем Оливере и остановился на пустых стаканах на столе.

– Рад видеть тебя, Михаил. Я понимаю, поездка удалась. Это охотник? – и он перевел взгляд на спящего в кресле молодого человека.

Михаил поднялся с кресла, протянул руку старому другу.

– Сверре, и я рад видеть тебя. Прости, что так поздно, пришлось поспешно вытаскивать парня из тюрьмы. Он даже не знал своего происхождения. Пришлось ему все объяснять.

– И как он воспринял вашу историю? – улыбнулся Сверре. – Сразу упал в обморок? Или ты ему помог?

– Пришлось пойти на компромисс: – он нам помогает, а мы помогаем ему скрыться в теплых странах. Пьер уже позвонил кому надо. Парню сделают новый паспорт и отправится он в теплую Испанию загорать. Знаешь, паренек хитрый, но, что-то в нем есть... не могу объяснить...но думаю, что ему можно доверять, – сказал Михаил, смотря на спящего Оливера.

Сверре прищурился, внимательно рассматривая спящего. Морщины, прорезавшие его лоб, стали глубже, в глазах читалась усталость и тревога.

– Посмотрим...

Он опустился в кресло напротив и жестом предложил Михаилу сделать то же самое. В камине потрескивал огонь, отбрасывая тени на лица мужчин. Тишину нарушал лишь мерный храп Оливера, погруженного в глубокий сон.

– Я сделал все, что ты просил. Завтра можно отправляться на то место, – тихо прохрипел Сверре и задумавшись продолжил: – Да... Тот день, я не забуду никогда...

Михаил тихо вздохнул, взгляд его утонул в пляшущем пламени камина.

Тот кровавый день выжег себя каленым железом в его памяти. Он преследовал его в кошмарах, просачивался сквозь сонную дымку в реальность. Звуки набата, воющие в предрастветной тишине, огненный язык, лизнувший небо над священной горой, оповещающая о вторжении врага. Вместе с братом они бежали домой, чтобы предупредить мать. Отец был на охоте, далеко в лесу. И то, что они увидели... эта картина навеки застыла в его глазах. Мать лежала на полу, волосы ее разметались в багряной лужи крови. Над ней, скалясь в жуткой ухмылке, возвышался мужчина. Его лицо, изрезанное глубокими шрамами, Михаил узнал бы где угодно. Это был охотник – медвежатник. Они, словно тени, миновали охрану, проникли в деревню с тыла, обрушились на мирные дома. Если бы не безумная выходка Магнуса, его брата, затаскившего его на ярмарку, мать могла быть жива. Магнус... вечно безрассудный, импульсивный, живущий одним днем, не задумываясь о последствиях. Именно тогда, впервые, юный Бьорн обратился в медведя. Ярость, безумная, всепоглощающая ярость, взметнулась в нем, затопила разум, вырвалась наружу звериным рыком, полным боли и отчаяния. Он бросился на убийцу, считая все на своем пути, не зная жалости, растерзал его в клочья. А потом... пустота. Страх, ледяной и парализующий, сковал его. Как в кошмарном сне, он рухнул на пол, обессиленный, вновь став человеком. Огляделся в ужасе, но брата нигде не было. Магнус сбежал. Все было как в тумане. Бьорн поднялся и выбежал из дома. Крики, вопли, предсмертные стоны, треск горящих домов – ад вырвался на землю. Он не помнил, как добрался до леса. Ему нужно было найти отца. Бежал, не разбирая дороги, пока не вырвался на поляну. От усталости и отчаяния прислонился к дереву, смотрел сквозь листву. Поле было усеяно телами. Охотники и берсерки, сошлись в смертельной схватке, горели, задыхались в дыму. Люди и медведи, в едином порыве ярости, бились за свои семьи, за свою землю. Этот хаос, этот звериный рев, навсегда въелись в его память. Внезапно он почувствовал на себе чей-то взгляд, обернулся и увидел охотника. Тот стоял перед ним, занеся над головой меч, готовясь к смертельному удару. Бьорн заслонился рукой, но в следующее мгновение кто-то сзади поразил Охотника мечом, пронзив его насквозь. Он рухнул замертво. Это был его отец. Бьорн смутно помнил, что кричал ему отец. Тот схватил сына, и они долго еще бежали через лес. Магнуса больше они не видели. Отец

искал его, но тщетно. Ходили слухи, что Магнуса видели убегающим из деревни, но охотники настигли его. Трус... он просто сбежал, спасая свою шкуру. После той бойни в живых осталось немного. Те, кто выжил, не желая оставаться на этой окровавленной земле, ушли в другие страны. Только Сверре остался жить в соседней деревне, не в силах покинуть могилы жены и детей, отнятых у него в тот страшный день. Время от времени он переезжал в другие города Норвегии, чтобы не вызвать подозрений, ведь он был бессмертным, но всегда возвращался в родные земли Харстада. Бьорн с отцом долго скитались по стране, переезжая из города в город, воевали и сражались как истинные берсерки, каждая война наносила свои шрамы, свои следы в их памяти, и только после подписания Соглашения между Харальдом Могучим, его дядькой из рода «Великой Анны», и прадедом Пьера, Венсаном Галуа – охотником-Медвежатником, наступило перемирие. Бьорн помнил тот день, когда все оставшиеся в живых берсерки и охотники собрались на том самом страшном месте, где произошла битва. Все понимали, что так больше продолжаться не может, и Соглашение было подписано. Могучего Харальда давно уже нет в живых. Он погиб на войне, будучи генералом. Спасая раненого солдата с поля боя, он подорвался на mine.

О Магнусе, его брате, больше ничего не было слышно. Бьорн пришел к выводу, что слухи о его гибели от рук охотников были правдой. Кроме отца, у Бьорна никого не осталось. Вскоре они переехали во Францию, поселились в небольшом доме – в лесу. Со временем Бьорн подружился с Пьером из династии Галуа, охотником по крови, но верным и хорошим другом. Однажды Бьорн, услышав о красоте и величии России, решил отправиться туда. И так и остался там жить, став Михаилом. Отец остался во Франции. Уставший от скитаний, он предпочел уединение французских лесов. И был бы жив до сих пор, если бы не Натали и Валентин.

Он остался один, единственный потомок из рода «Великой Анны»... Он не смог уберечь близких ему людей. Но Софу он защитит, чего бы это ему ни стоило! Михаил так сильно сжал стакан в руке, что тот треснул, рассыпался на осколки, а остатки джина разлились по полу. Звук разбитого стекла вывел Михаила из оцепенения. Он посмотрел на Сверре. В глазах его плескались боль и горе.

Сверре встал с кресла, подошел к нему и положил руку на плечо.

– Я понимаю тебя, Бьорн. Мы не позволим, чтобы все повторилось, – и добавил, стараясь разрядить обстановку. – За стакан не переживай, я уберу.

Сверре ушел на кухню.

Михаил поднялся с кресла и направился на кухню, вслед за другом. Чайник, закипая, клокотал во всю мощь, будто маленький огнедышащий дракон. Пока Сверре наводил порядок в гостиной, Михаил, заварил чай, разливая янтарную жидкость в две кружки.

– Спасибо, – прозвучал голос Сверре, когда он опустился на стул. – Нужно разбудить остальных. Пора в дорогу.

– Поддерживаю, – отозвался Михаил, вдыхая аромат настоянных на травах чайных паров. Улыбка тронула его губы.

– Сверре, ты знаешь, нигде, ни в одном краю не доводилось мне пить чая, подобного твоему. Лишь твои руки способны сотворить такое волшебство.

Сверре, задумчиво поглаживая бороду, гордо улыбнулся.

– Да... Это, без ложной скромности, наша семейная гордость. Передавалась из поколения в поколение. За моим чаем готовы приехать из самых отдаленных уголков Норвегии! – в голосе звучала неподдельная гордость. – Знаешь в чем секрет? – он понизил голос до заговорщицкого шепота. – Я добавляю в него травы, собранные в самом сердце Хедальского леса. Каждое лето я отправляюсь туда, чтобы жить в его объятиях. Только там, старый медведь может насладиться простором и размахом, – Сверре хитро ухмыльнулся.

– Где ты увидел старика, Сверре? Тебе еще жить да жить, горы свернуть, – Михаил дружески похлопал друга по плечу, и, допив чай добавил: – Пойду, вдохну свежесть утра.

Он вышел на крыльцо, расправил плечи, ощущая, как прохлада бодрит тело и проясняет мысли. Вдали виднелись заснеженные вершины гор. Легкий туман колыхался над долиной, стремясь укрыть ее от наступающего дня. Михаил глубоко вдохнул чистый, морозный воздух, чувствуя его терпкий вкус на языке. Это была его Норвегия, суровая, прекрасная и родная. Он улыбнулся и посмотрел вдаль: – Доброе утро, моя любимая.

Внезапно тишину разорвал гул мотора. Вдали показался внедорожник, уверенно пробиравшийся по лесной дороге в направлении их дома.

– Странно, кому в такую рань взбрело в голову ехать в лес? Да еще и в такой мороз, – пробормотал Михаил, хмурясь в сторону, приближающегося автомобиля.

Машина, проезжая мимо, на мгновение замерла напротив дома Сверре. Опустились стекла, и в образовавшихся проемах возникли зловещие фигуры головорезов с пистолетами в руках.

– Да чтоб вас... – прохрипел Михаил, резко развернулся, распахнул дверь и, захлопывая ее, успел крикнуть: – Сверре, ложись!

Догоняя его слова, раздались первые выстрелы. Сверре, услышав их, мгновенно нырнул за кухонную стойку. Михаил пригнулся и короткими перебежками добрался до гостиной, надеясь найти там Оливера. Но комната оказалась пуста.

– Я здесь, – тихо произнес Оливер, выглядывая из-за кресла. – Проснулся от выстрелов и сразу спрятался.

По лестнице, сонно пошатываясь, спуускался Пьер.

– Какого чёрта здесь происходит? – недовольно проворчал он.

Очередная порция выстрелов, и осколки посыпались с разбитого окна.

– Чёрт! – взревел Пьер и пулей спустился по лестнице, пригибаясь, побежал к Михаилу и Оливеру, притаившимся за креслом. – Что происходит?

– Если бы я знал... – прошептал Михаил.

Пьер и Михаил одновременно посмотрели на Оливера. Парень с недоумением посмотрел на них.

– Что вы на меня смотрите? Я ни при чем.

– Говорят, ты украл картину у какой-то шишки, ее ведь так и не нашли? – тихо спросил Пьер.

– Кто говорит? Я ничего не воровал, – огрызнулся Оливер, отводя взгляд.

– Говори быстро! Или я сам тебя сейчас придушу! И плевать, что ты нам нужен. Без тебя разберемся. Это за тобой приехали. Кто из тюрьмы сбежал? – прорычал Михаил, схватив парня за ворот рубашки.

– А кто меня из нее вытащил, сказать по какой причине? – робко отбивался перепуганный Оливер. – Сидел бы спокойно себе в тюрьме. Никаких проблем не знал бы.

Михаил, немного остыл и отпустил парня. Потом злобно рыкнул:

– Ладно, выберемся отсюда, я из тебя все вытрясу, – и, оглянувшись, заметил Сверре, выглядывающего из-за угла.

– Быстро на кухню! – скомандовал Михаил.

Они, пригнувшись, перебежали на кухню и спрятались за стойкой.

– Мне кто-нибудь объяснит, что творится в моем доме? – прохрипел Сверре.

– Бандиты. Приехали за мной, – пролепетал парень, пытаясь унять бешеное сердцебиение. – Здравствуйте. Меня зовут Оливер. А вас? – и парень протянул руку хозяину дома.

– Твоя погибель, Охотник, – гневно прорычал Сверре, и, взглянув на Михаила и Пьера, жестом позвал их за собой.

Он подошел к одному из шкафов и распахнул дверцы. Пьер присвистнул.

– Ничего себе. Вот это коллекция!

Михаил удивленно посмотрел на друга. Тот пожал плечами, улыбнулся и произнес:

– Еще одно маленькое увлечение, старого берсерка.

Оливер, заглядывая через плечо Сверре, с любопытством рассматривал содержимое шкафа. Тот повернулся к парню и строго сказал:

– Детям оружие – не игрушка...

Перед их глазами предстала впечатляющая коллекция разнообразного оружия: от старинных кинжалов до современных штурмовых винтовок и навороченных пистолетов с гранатами.

Пьер снова присвистнул и потянулся к небольшому охотничьему ножу.

Сверре хмуро взглянул на него:

– Что, охотничьи инстинкты проснулись? – и злобно усмехнулся.

Пьер молча убрал руку. Сверре быстро достал из шкафа три пистолета и несколько гранат.

– А мне..? – спросил Оливер.

– Тебе рано. Будешь держаться рядом с Бьорном.

– Кто такой Бьорн? – вопросительно посмотрел на Пьера Оливер.

– Это я, – рыкнул Михаил.

– Ничего не понимаю... – пробормотал растерянно парень.

– Потом все объяснения. Хватит болтать, – отрезал Сверре. – Сейчас все идем за мной.

В доме есть черный выход. Михаил, ты сзади. Оливер рядом. Пьер, ты за мной. Действуем быстро. Времени нет.

Во дворе воцарилась тишина. Потом снова выстрелы. Друзья, пригнувшись, побежали к черному выходу. Не успели они добежать до опушки леса, как прогремел оглушительный взрыв. Все обернулись и увидели, как дом охватило пламя.

Сверре тяжело вздохнул и, посмотрев на Михаила и Пьера, спросил:

– Сами решите, кто из вас будет строить мне новый дом, – развернулся и пошел в сторону леса.

Друзья переглянулись и перевели взгляд на Оливера. Оливер лишь тяжело вздохнул.

– Пошли скорее, пока они нас не заметили, – сказал Михаил, и они скрылись в лесной чаще.

Глубоко вдыхая морозный воздух, Сверре шел уверенно, зная каждую тропинку в этом лесу. Остальные, стараясь не отставать, молча следовали за ним. Оливер спотыкался на каждом шагу, проклиная свою жизнь и проклиная тот день, когда решил помочь Михаилу и Пьеру. Михаил хмуро осматривался по сторонам, чувствуя, как адреналин бурлит в крови. Пьер, смотрел вперед, осторожно ступая по тропе.

Через какое-то время Сверре остановился у небольшого ручья.

– Здесь передохнем, – бросил он, оглядывая своих спутников. – Оливер, разведи костер. Пьер, принеси хвороста. Михаил, будь на страже.

Через пятнадцать минут вернулся Пьер. Не успел Оливер двинуться с места, как Михаил остановил его, покачав головой. Сам подхватил из рук друга сухие ветки и принялся разводить огонь. Оливер остался стоять, чувствуя себя неуместным.

Пока костер разгорался, Сверре достал из рюкзака несколько кусков вяленого мяса и раздал их остальным. Молча перекусывая, они смотрели на огонь, каждый думая о своем. Тишину нарушил Оливер, не выдержав напряжения.

– Ну да, я украл картину... – выдохнул он, признаваясь в смертном грехе. – Но откуда мне было знать, что она стоит целое состояние? Знакомый шепнул про дом, мол, хозяин укатил в жаркие края, погреться на солнышке. Дом пустой, охрана дремлет. Проскользнул внутрь тихо, как тень, и не успел оглядеться, как этот цербер охраненный нарисовался. Схватил первое, что под руку попало, даже не глядя, и наутек через окно. А на следующий день – бац! – полиция у порога. И вот я в тюрьме. Думал, отдохну от жизни, в тепле, при деле, книжки читаю,

исправлюсь... Пока вы не пожаловали со своими рассказами...Берсерки...Охотники... – он замолчал и робко добавил: – И, что теперь?

Сверре криво усмехнулся: – Жить, охотник. Только теперь по моим правилам. А правила простые: пока ты у меня в долгу, делаешь то, что я скажу.

Пьер, до этого сохранявший молчание, вдруг пронзил парня взглядом.

– Ты вообще соображаешь, во что вляпался? Головорезы, что за тобой охотятся, – это люди хозяина картины! Они не успокоятся, пока тебя не найдут, вместе с этой мазней! Где картина? – голос Пьера был холоден, как лед.

– В надежном месте, – уклончиво ответил Оливер. – Хозяину и в голову не придет там искать. Да он же тупой качок, гора мышц и ни грамма мозгов. Если в нем хоть искра разума мелькнет, это будет сенсация!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.